

что натуры-то собственно в нем нет... Но не в этом дело. Я хочу говорить о том, что в нем есть хорошего, редкого. В нем есть энтузиазм; а это, поверьте мне, флегматическому человеку, самое драгоценное качество в наше время. Мы все стали невыносимо рассудительны, равнодушны и вялы; мы застыли, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на миг нас расшевелит и согреет! Пора! Помнишь, Саша, я раз говорил с тобой о нем и упрекал его в холодности. Я был и прав, и не прав тогда. Холодность эта у него в крови — это не его вина, — а не в голове. Он не актер, как я называл его, не надувало, не плут; он живет на чужой счет не как проныра, а как ребенок... Да, он, действительно, умрет где-нибудь в нищете и в бедности; но неужели же и за это пускать в него камнем? Он не сделает сам ничего, именно потому, что в нем натуры, крови нет; но кто вправе сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? что его слова не заронили много добрых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы? Да я сам, я первый, все это испытал на себе... Саша знает, чем был для меня в молодости Рудин. Я, помнится, также утверждал, что слова Рудина не могут действовать на людей; но я говорил тогда о людях, подобных мне, в теперешние мои годы, о людях уже поживших и поломанных жизнью. Один фальшивый звук в речи — и вся ее гармония для нас исчезла; а в молодом человеке, к счастью, слух еще не так развит, не так избалован. Если сущность того, что он слышит, ему кажется прекрасной, что ему за дело до тона! Тон он сам в себе найдет.

— Браво! браво! — воскликнул Басистов. — Как это справедливо сказано! А что касается до влияния Рудина, клянусь вам, этот человек не только умел потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он до основания переворачивал, зажигал тебя!»

Однако с такими героями, как Рудин, дальнейший прогресс России был бы невозможен: необходимо было появление новых людей. И они появились: мы находим их в следующих повестях Тургенева, — но сколько трудностей им пришлось преодолевать, какие муки довелось испытать! Мы можем видеть это на Лаврецком и Лизе (в «Дворянском гнезде»), принадлежащих к переходному периоду. Лаврецкий не может довольствоваться рудинской ролью странствующего апостола; он пытается заняться практической деятельностью; но он также не может найти своего пути среди новых течений жизни. Он обладает тем же художественным и философским развитием, как и Рудин; у него имеется необходимая воля, но его способность к действию парализована, на этот раз не саморазъедающим анализом, а мелочностью обстановки и его несчастным браком. В конце концов Лаврецкий падает надломленный.

«Дворянское гнездо» имело громадный успех. Нередко утверждают, что вместе с автобиографической повестью «Первая любовь» — это самое художественное произведение Тургенева. Быть может, это так. «Дворянское гнездо» обязано также своим успехом тому громадному кругу читателей, которым повесть говорила на знакомом языке. Лаврецкий женился очень неудачно, на женщине, которая вскоре превращается в парижскую львицу низшего разбора. Супруги расходятся. Вслед за тем Лаврецкий встречается с девушкой, Лизой, в которой Тургенев дал верное и высокохудожественное изображение средней, хорошей и честной девушки того времени. Она и Лаврецкий начинают любить друг друга. Есть минута, когда оба думают, что жена Лаврецкого умерла — о ее смерти было напечатано в фельетоне одной парижской газеты, но внезапно эта госпожа появляется, окруженная присущей ей атмосферой, и Лиза уходит в монастырь. В отличие от Рудина и Базарова, все действующие лица этой драмы, как и сама драма, вполне понятны среднему читателю, и уже по одному этому повесть нашла чрезвычайно широкий круг симпатизирующих читателей. Но при всем том художественность, местами — глубина, и везде — тонкость отделки как действующих лиц, так и отдельных сцен романа доведены до совершенства, и художественный талант Тургенева проявился во всей силе в изображении таких типов, как Лиза, жена Лаврецкого, старая тетка Лизы, старик Лемм и сам Лаврецкий. Дуновение поэзии и печали, проникающее всю повесть, неотразимо овладевает читателем. Следовавшая затем повесть «Накануне» превосходит предшествовавшую и по глубине замысла, и едва ли во многом уступает ей по красоте выполнения. Уже в Наташе [из «Рудин»] Тургенев дал вполне живое изображение русской девушки, выросшей в затишье деревни, но в сердце, уме и воле которой были зародыши тех чувств, которые двигают людей к поступкам высшего характера. Воодушевленные слова Рудина, его призывы к высокому и достойному жертвы — воспламенили ее. Она готова следовать за ним, она готова поддерживать его в той великой работе, которой он так жадно и так бесплодно ищет, но Рудин оказывается ниже ее. Таким образом, уже в 1855 году Тургенев предвидел появление того типа женщины, который сыграл такую выдающуюся роль в возрождении молодой России. Четыре года спустя, в «Накануне», он дал в лице Елены дальнейшее, более полное развитие того же женского типа. Елена